

Воскресенский Г. А. Последние новости в кирилло-мефодиевской литературе: (По поводу брошюр А. Н. Петрова) // Богословский вестник 1894. Т. 4. № 12. С. 539—547 (2-я пагин.).

Послѣднія новости въ кирилло-мефодіевской литературѣ.

А. Н. Петровъ: Пятидесятилѣтіе научной разработки славянскихъ источниковъ для біографіи Кирилла и Мефодія (1843—1893). (Посвящается памяти прот. А. В. Горекаго). М. 1894.

Онъ-же: Спорные вопросы миссіонерской дѣятельности св. Кирилла философа на Востоѣ. Одесса, 1894.

Онъ-же: Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина философа, по списку XIII в. СПб. 1894.

Каждому сколько-нибудь знакомому съ исторіей христіанскаго просвѣщенія славянскаго племени хорошо извѣстно то огромное, можно сказать, центральное значеніе, какое имѣетъ въ этой области біографія св. просвѣтителей славянства Кирилла и Мефодія: въ самомъ дѣлѣ съ жизнеописаніемъ ихъ тѣсно связываются многіе первостепенные вопросы этой исторіи, какъ-то: о характерѣ первоначальнаго христіанскаго просвѣщенія и богослуженія у славянъ (латино-или греко-славянскомъ), о началѣ славянской письменности, о происхожденіи и взаимномъ отношеніи двухъ славянскихъ азбукъ—кирилловской и глаголической, о родинѣ или народности употребленнаго ими для письменности языка и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо извѣстно и то, что строго научное изложеніе жизни и дѣятельности св. Кирилла и Мефодія представляетъ много существенныхъ трудностей. Нельзя сказать, чтобы мало было источниковъ для ихъ біографіи: ихъ довольно—на славянскомъ, греческомъ и

латинскомъ языкахъ. Нельзя сказать и того, чтобы источники эти мало были разрабатываемы наукою. Иѣтъ, кирилло-меѳодіевская литература, особенно за послѣднее время, послѣ юбилеевъ 1862, 1869 и 1885 гг. чрезвычайно разрослась. Но именно источники біографіи св. Кирилла и Меѳодія и представляютъ существенныя затрудненія для изслѣдователя, благодаря крайнему разнорѣчію своихъ показаній. Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какъ часто и какъ далеко расходятся другъ отъ друга показанія этихъ источниковъ. По однимъ источникамъ Кириллъ и Меѳодій были греки, по другимъ славяне; по однимъ старшій изъ братьевъ былъ Меѳодій, по соображенію съ другими Кириллъ. Изобрѣтеніе славянской грамоты одни источники приписываютъ Кириллу, другіе Меѳодію, третьи—обоимъ, и при семъ самыя свидѣтельства объ этомъ, при своей неопредѣленности, даютъ возможность подъ именемъ славянскихъ письменъ разумѣть однимъ изслѣдователямъ—азбуку кирилловскую, другимъ—глаголическую. Мѣстомъ изобрѣтенія славянской азбуки одни источники назначаютъ Царьградъ, другіе Моравію, третьи—Болгарію, четвертые—Херсонъ, гдѣ будто бы Кириллъ нашелъ уже готовые письмена. Временемъ изобрѣтенія славянской азбуки по однимъ извѣстіямъ былъ 855 годъ, по другимъ 862, по третьимъ 865 г. и т. д. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи по однимъ источникамъ продолжалась три года, по другимъ три съ половиною. Такія же противорѣчащія свидѣтельства существуютъ о санѣ Кирилла и времени посвященія Меѳодія въ епископы, о времени кончины Кирилла, о времени и мѣстѣ кончины Меѳодія, о числѣ переведенныхъ ими съ греческаго на славянскій языкъ книгъ, о славянскомъ нарѣчіи, на которое сдѣланъ былъ переводъ, о характерѣ дѣятельности проповѣдниковъ въ Болгаріи и т. д. Не правда ли, такая огромная масса показаній столь разнорѣчивыхъ способна затруднить изслѣдователя? Гдѣ ему искать истины? Какъ примирить противорѣчія свидѣтельскихъ показаній?

Единственно-вѣрный путь добраться до истины можетъ предложить только предварительно предпосланная должная критическая оцѣнка источниковъ. Само собою разумѣется, большей вѣры заслуживаютъ свидѣтельства древнѣйшія, особенно современныя самымъ событіямъ. Какіе же источ-

ники, по своей древности, важности и достовѣрности показаній, должны занять первенствующее мѣсто въ исторіи св. Кирилла и Меѳодія? Почти до половины нашего столѣтія то были а) т. н. итальянская легенда о перенесеніи мощей св. Климента въ Римъ, б) извѣстія о Кириллѣ философѣ Анастасія бібліотекаря, в) записка неизвѣстнаго лица изъ числа зальцбургскаго духовенства объ обращеніи Баварцевъ и Хорутанъ къ христіанству и г) нѣкоторыя папскія буллы. Въ 1843 году наукѣ открыты были т. н. паннонскія или пространныя житія св. Кирилла и Меѳодія. Это—огромная заслуга покойнаго незабвеннаго ректора московской духовной академіи прот. А. В. Горскаго. Списки обоихъ паннонскихъ житій А. В. Горскій нашель въ бібліотекѣ московской духовной академіи и издалъ извлеченіе изъ нихъ съ историко-критическимъ изслѣдованіемъ въ 6-й кн. „Москвитянина“ 1843 г. Его изслѣдованіе произвело рѣшительный переворотъ въ кирилло-меѳодіевской литературѣ. Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи Горскій пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) житіе Меѳодія составлено въ непродолжительномъ времени послѣ кончины Меѳодія и прежде разрушенія моравскаго государства; 2) составитель житія принадлежалъ къ римской церкви, хотя исповѣдывалъ православный символъ вѣры, и 3) онъ жилъ въ Панноніи, въ области Коцела. Относительно житія Кирилла, на основаніи нѣкоторыхъ указаній близости автора по времени къ славянскимъ первоучителямъ и на основаніи сходства между обоими житіями въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, Горскій пришелъ къ тому выводу, что Кириллово житіе принадлежитъ тому же времени и той же странѣ, какъ и житіе Меѳодія, причемъ давалась мысль, что оба памятника принадлежатъ одному и тому же автору. Строго придерживаясь текста житій, Горскій излагаетъ далѣе по нимъ біографію св. Кирилла и Меѳодія, снабжая ее прекрасными критическими замѣчаніями, хронологическими и историческими, воспользовавшись для этого византійскими и западными источниками. Весьма серьезное историко-критическое изслѣдованіе обоихъ житій убѣдительно доказало всю важность для исторіи этихъ памятниковъ и достовѣрность ихъ показаній, не смотря на нѣкоторыя позднѣйшія вставки. Естественно и понятно, что открытыя А. В. Гор-

скимъ пространныя славянскія житія отодвинули на второй планъ прежніе источники и сами заняли первенствующее мѣсто въ кирилло-меѳодіевской литературѣ, Исслѣдованіемъ Горскаго скоро воспользовались преосв. Филаретъ (Черниговскій) въ своей статьѣ о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, преосв. Макарій въ „Исторіи христіанства въ Россіи до св. Владиміра“ и Шевыревъ въ „Исторіи русской словѣсности“. Исслѣдованіе Горскаго переведено было на чешскій языкъ и напечатано въ журналѣ Чешскаго Музея 1846 г. и скоро стало извѣстно не только славянскимъ ученымъ, но и нѣмецкимъ. Выводы Горскаго въ первое время были приняты почти единодушно и въ нашей и въ западной наукѣ.

Въ прошедшемъ 1893-мъ году исполнилось пятидесятилѣтіе со времени открытія т. н. паннонскихъ житій. Какъ теперь обстоитъ дѣло съ ними? Такъ ли прочны и нынѣ выводы прот. Горскаго? Безъ преувеличенія можно сказать, что отъ успѣшной разработки этихъ славянскихъ источниковъ зависитъ большій или меньшій успѣхъ въ разработкѣ біографіи св. Кирилла и Меѳодія. Что же сдѣлано по этой части за истекшее пятидесятилѣтіе? Отвѣту на этотъ вопросъ посвящены вышеназванныя брошюры г. Петрова, заслуживающія упоминанія на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ и по важности предмета, о которомъ трактуютъ, и по оригинальности нѣкоторыхъ отвѣтовъ и по посвященію ихъ памяти прот. А. В. Горскаго.

Въ *первой* брошюрѣ (56 стран., раздѣл. на шесть главъ) г. Петровъ знакомитъ съ результатами научной разработки пространнаго житія св. Кирилла философа, указываетъ недостатки этой разработки и ихъ причины и предлагаетъ по нѣкоторымъ вопросамъ свои соображенія.

„Особенно драгоцѣннымъ мнѣ кажется житіе Кирилла— писалъ прот. А. В. Горскій М. П. Погдину. При объясненіи его я менѣе встрѣчалъ затрудненій и его успѣшнѣе можно отстаивать“ (Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. 7-й, стр. 165). Но—говоритъ г. Петровъ— мнѣніе Горскаго, что памятникъ этотъ успѣшнѣе можно отстаивать, чѣмъ житіе Меѳодія, не оправдалось. Житіе Константина философа больше всего вызываетъ сомнѣній. Происхожденіе пространнаго Кириллова житія составляетъ самый главный вопросъ кирилло-меѳодіевской кри-

тики (стр. 4). Дѣйствительно, рядомъ съ многочисленными представителями положительнаго направленія по вопросу о паннонскихъ житіяхъ, развивавшими воззрѣнія А. В. Горскаго, не замедлили явиться сторонники и противоположнаго направленія, отрицавшіе въ большей или меньшей степени историческое значеніе обоихъ житій или одного житія Кириллова (Гинцель, Мюральтъ, патерь Мартыновъ, Бильбасовъ и др.). Достаточно ли однако обоснованъ этотъ отрицательный взглядъ на пространное житіе св. Кирилла? „Къ сожалѣнію—говорить г. Петровъ—со стороны скептиковъ не сдѣлано даже попытки доказать свое мнѣніе... Третья часть изслѣдованія г. Бильбасова, въ которой долженъ быть разборъ пространнаго житія Константина—до сихъ поръ остается не напечатанною... Мнѣніе скептиковъ является въ литературѣ съ тѣмъ же, даже большимъ еще характеромъ субъективности, какъ и мнѣніе послѣдователей Горскаго (стр. 10 и 11, примѣч. 4-е). Резюмируя обзоръ исторіи вопроса о пространномъ житіи св. Кирилла, авторъ говоритъ: „тѣ же доказательства, что во времена первоначальнаго обсуждения выводовъ Горскаго, тѣ же научные приемы видимъ и въ современныхъ изслѣдованіяхъ поднятаго пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вопроса, но зато видимъ и тѣ же сомнѣнія, тѣ же разногласія. По существу положеніе вопроса мало измѣнилось за протекшіи періодъ его научной разработки, и въ настоящее время онъ почти такъ же далекъ отъ окончательнаго своего разрѣшенія, какъ и въ изслѣдованіи Горскаго. Такая безуспѣшность усилій многихъ авторитетныхъ ученыхъ находитъ объясненіе свое въ томъ, что до сихъ поръ изслѣдователи не хотятъ обратить должнаго вниманія на пространныя житія въ полномъ ихъ составѣ, ограничиваясь доказательствами „исторической значимости“ отдѣльныхъ извѣстій. Конечно, достовѣрность изслѣдованныхъ извѣстій житія свидѣтельствуетъ объ историческомъ характерѣ послѣдняго, но отсюда еще далеко до заключенія о достовѣрности всего памятника въ его цѣломъ; равнымъ образомъ, несомнѣнно, что достовѣрныя сообщенія житія ведутъ свое начало со временъ самихъ солунскихъ братьевъ, но конечно мы не имѣемъ ни малѣйшаго права заключить отсюда, что и все житіе въ настоящей его редакціи столь же древне. Вообще научный разборъ отдѣль-

ныхъ извѣстій житія не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для вопроса о происхожденіи памятника. Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только литературнымъ анализомъ памятника. Мы согласимся только съ тѣмъ рѣшеніемъ его, которое будетъ основано на тщательномъ сравнительномъ изученіи стили, литературныхъ формъ современныхъ житіямъ литературныхъ произведеній одного съ ними типа. Однако въ настоящее время трудно рѣшиться на такое литературно-критическое изслѣдованіе пространныхъ житій. Кирилло-меѳодіевская критика, при ближайшемъ и возможно безпристрастномъ знакомствѣ съ ея конечными выводами, оказывается далеко неподготовленною къ этой трудной работѣ. Въ ней мы не находимъ отвѣтовъ на два вопроса, необходимыхъ для болѣе правильной постановки намѣченной историко-литературной задачи: во 1-хъ, кирилло-меѳодіевская литература, при всей своей обширности, всетаки не заключаетъ еще въ себѣ достаточно полного историческаго комментарія къ содержанію пространныхъ житій; во 2-хъ, мы до сихъ поръ еще не знаемъ общихъ условій зарожденія кирилло-меѳодіевской литературы, даже самаго главнаго изъ нихъ—исторіи канонизаціи славянскихъ апостоловъ“ (стр. 14—15). Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ дѣлаетъ попытку рѣшить второй вопросъ и касается нѣсколько перваго. Въ 2-й главѣ г. Петровъ раскрываетъ условія канонизаціи Кирилла философа сначала въ римской, а потомъ въ славянской церкви. Чествованіе памяти Кирилла философа въ римской церкви самымъ положительнымъ образомъ засвидѣтельствовано въ пространномъ житіи первоучителя. Здѣсь говорится, что вскорѣ послѣ погребенія философа въ римской церкви св. Климента на его гробницѣ стали совершаться чудеса, видя которыя „римляне болѣе ся приложиша святыни его и чести и написавше икону его надъ гробомъ, начаша свѣтити надъ нимъ день и ночь, хваляще Бога, прославляющаго тако, иже и славятъ“. Это свидѣтельство находитъ себѣ полное полтверженіе также въ вещественныхъ памятникахъ, открытыхъ археологами въ климентовой базиликѣ. На стѣнахъ этого храма сохранилась древняя фресковая живопись; между изображеніями X—XII в. нѣсколько изображеній археологи относятъ и къ Кириллу философу. На одномъ изъ нихъ сохранилась над-

пись: А (*kyros*) Cyril—которая, въ связи съ археологическими подробностями изображенія, заставляетъ насъ признать въ изображенномъ святомъ славянскаго первоучителя. На картинѣ представлена такая сцена: стоитъ князь, а передъ нимъ, опустившись на колѣна, стоитъ духовное лицо, въ греческихъ одеждахъ, съ бороною; вокругъ головы нимбъ—принадлежность святого. Князь дѣлаетъ рукою движеніе по направленію къ нѣсколькимъ лицамъ, стоящимъ передъ нимъ за колѣнопреклоненною фигурою святого. По толкованію Росси, на картинѣ представлено отправленіе Кирилла въ Моравію императоромъ Михаиломъ (стр. 20—21). По соображеніямъ г. Петрова, канонизація Кирилла въ римской церкви послѣдовала при новой, въ латинскомъ духѣ, организаціи моравской церкви въ 899 или 900 г. Это вниманіе папы Іоанна IX къ славянской церкви должно было вознаградить ее за утрату своей самобытности. Возстановленная папою Іоанномъ IX славянская церковь утратила свой народный характеръ, и новоканонизованный святой въ латинскихъ святцахъ пересталъ быть истиннымъ народнымъ учителемъ. Римская курія лишила Константина самаго крупнаго изъ его подвиговъ—созданія народной славянской письменности и введенія народнаго славянскаго языка въ церковное употребленіе. Взамѣнъ этого она надѣлила его католическимъ ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и саномъ епископа.. Канонизація Кирилла философа въ римской церкви послужила поводомъ къ составленію латинскаго житія его (стр. 24—25). Фактъ чествованія въ Римѣ Кирилла философа вскорѣ послѣ его кончины не подлежитъ сомнѣнію. Но вѣрно также и то, что чествованіе это продолжалось очень недолго и не было искреннимъ чествованіемъ, обязано было не столько религиозному чувству римскихъ почитателей Кирилла, сколько политическимъ соображеніямъ папъ. Повело ли за собою это неискреннее и кратковременное чествованіе памяти Кирилла философа къ составленію латинскаго житія его? Это могло быть и не быть. Одна историческая возможность не ручается еще за реальную дѣйствительность.. Трудно согласиться съ предположеніемъ автора, что чествованіе солунскихъ братьевъ славянскою церковію возникло въ ней не по ея инициативѣ, а подъ влияніемъ Рима. Кирилла философа славянская цер-

ковъ—говоритъ г. Петровъ—включила въ канонъ своихъ святыхъ вслѣдъ за римскою церковію, воспользовавшись ея инициативой, тогда какъ Меодія она стала чтить не раньше конца X или даже начала XI в. (гл. 3-я, стр. 30). Совершенно естественно, что славянская церковь стала чтить какъ святого сначала одного Кирилла, и для этого не требовалась инициатива римской церкви, когда это чествованіе началось еще при жизни Меодія, который, какъ извѣстно, самъ глубоко чтилъ своего младшаго брата. Канонизація же св. Меодія въ славянской церкви, судя по характеру его пространнаго житія, должна была совершиться раньше того поздняго срока, какой назначаетъ ей г. Петровъ. Соображеніе автора: „повидимому, Меодій былъ признанъ святымъ славянской церкви, какъ братъ *святого* Кирилла философа; указаніемъ (въ богослужебныхъ книгахъ) на близкія родственныя отношенія его къ Кириллу, давно уже чествуемому церковью, какъ будто хотѣлось оправдать зачисленіе въ канонъ святыхъ и Меодія“ (стр. 33)—болѣе остроумно, чѣмъ правдоподобно.—Въ главахъ 4-й и 5-й г. Петровъ излагаетъ исторію вопроса объ отношеніи пространнаго житія Кирилла къ т. п. итальянской легендѣ, подробнѣе останавливаясь на докладѣ въ Баварской академіи наукъ (2 іюля 1893 г.) мюнхенскаго профессора Фридриха объ открытомъ имъ новомъ источникѣ для біографіи Кирилла и Меодія ¹⁾ и на статьѣ г. Ягича по поводу этого доклада ²⁾. Самъ авторъ склоняется къ мысли г. Ягича, что итальянская легенда и кирилловская (т. е. пространное житіе св. Кирилла) не стоятъ въ какой либо зависимости другъ отъ друга, а напротивъ та и другая брали матеріалъ независимо другъ отъ друга изъ тѣхъ же третьихъ источниковъ, каждая пользуясь ими по собственному усмотрѣнію (стр. 53).

¹⁾ „Ein Brief des Anastasius bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri über die Abfassung der „Vita cum translatione s. Clementis Papae“. Eine neue Quelle zur Cyrillus- und Methodius Frage“. Напечат. въ протоколахъ засѣданій Баварской академіи наукъ: Sitzungsberichte, Heft III. S. 393—442.

²⁾ „Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа, первоучителя славянъ св. Кирилла“. Напечат. въ Зап. Имп. Ак. Н. т. XXII, прилож. 6. Здѣсь помѣщенъ и полный текстъ вновь открытаго памятника съ русскимъ переводомъ.

Но окончательное рѣшеніе этого вопроса зависить, конечно, отъ всесторонняго и болѣе глубокаго изслѣдованія самыхъ памятниковъ. Необходимо тщательное эпизодическое изученіе исторіи славянскихъ апостоловъ. Съ полною охотою присоединяемся къ заключительному пожеланію автора: „для болѣе достойнаго завершенія съ такимъ успѣхомъ начатаго пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ изслѣдованія мы должны вернуться къ статьѣ покойнаго А. В. Горскаго и заняться рѣшеніемъ намѣченныхъ въ ней вопросовъ, оставленныхъ-было кирилло-мееодіевской критикой безъ разсмотрѣнія“ (стр. 56).

Во *второй* брошюрѣ (13 стран.) авторъ на исторіи хазарской миссиі св. братьевъ показываетъ настоящую необходимость подвергнуть миссіонерскую дѣятельность св. Кирилла и Мееодія новому специальному изслѣдованію. Пренія Кирилла философа, составляющія въ пространномъ житіи его добрую половину, до сихъ поръ остаются неизслѣдованными. Біографія Кирилла входитъ въ область славянской исторіи и разрабатывается славистами, къ специальности которыхъ богословскія пренія Кирилла съ евреями и магометанами не имѣютъ прямаго отношенія. Слависты не компетентны въ разрѣшеніи вопросовъ, поставляемыхъ житіемъ относительно восточныхъ преній: эту долю въ научной разработкѣ біографіи славянскихъ апостоловъ должны взять на себя церковные историки-оріенталисты.

Въ *третьей* брошюрѣ (14 стран.) г. Петровъ издалъ апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина философа, по списку XIII в. Императорской публичной бібліотеки. Въ древне-русскихъ сборникахъ этотъ рассказъ нерѣдко встрѣчается и отдѣльно отъ житія св. Кирилла, въ формѣ совершенно самостоятельнаго сказанія. Такой самостоятельный списокъ этого памятника и въ сборникѣ XIII в. Императорской публичной бібліотеки. Въ предисловіи предпосланъ сравнительный по нѣсколькимъ спискамъ и довольно обстоятельный анализъ содержанія этого любопытнаго рассказа, вставленнаго въ пространное житіе св. Кирилла философа.

Г. Воскресенскій.